

УДК 81'1:801.7

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.101

ФОНЕМА, ЛЕКСЕМА И ДРУГИЕ. К УЧЕБНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В. В. Волков, И. В. Гладиллина, Л. Н. Скаковская

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье представлены результаты моделирования процессов герменевтического осмысления ключевых терминов лингвистики в учебной работе со студентами-филологами. Предмет учебного лингводидактического анализа – ключевые термины лексической семантики, фонетики и морфемистики. Авторы центрируют внимание на способах объяснения и понимания проблем учебного терминоведения, связанных с асимметрией плана выражения и плана содержания таких языковых единиц, как *сема*, *семантика* и др., предлагают способы учебной интерпретации ключевых терминов лингвистики на основе актуализации их внутренней формы.

Ключевые слова: учебное терминоведение, семантика, внутренняя форма слова, когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика.

Ядро любой науки, зернышко, из которого все произрастает, зародыш и корневище, основа основ – понятийно-терминологический аппарат. Любой студент, в том числе любой студент-филолог, в той мере овладевает своей специальностью, в какой оказывается способным пользоваться понятиями науки как инструментами, в той мере, в какой эти инструменты становятся развивающимися органами его мышления, понимания, познания. Центральные дидактические / психодидактические проблемы на пути такого становления – это **проблема осознанности** овладения понятийно-терминологическим аппаратом и **проблема вовлеченности** не только ума, но всей личности студента в это овладение.

Лингводидактическое средство решения этих проблем, на котором центрируется внимание в данной работе (как и в предыдущей, см.: [3]), – **филологическая герменевтика**, которую целесообразно понимать как **спрашивание и всматривание** в структуру и содержание ключевых лингвистических терминов, – такое всматривание, благодаря которому всматривающийся получает возможность *у-сматривания* / *у-смотрения* явленной в терминах сущности языковых / речевых явлений. Основываясь на общей формулировке М. Хайдеггера «Всматривание во что, понимание и схватывание, выбор, подход к чему суть конститутивные установки спрашивания...» [11, с. 7], можно продолжить: «установка

© Волков В. В., Гладиллина И. В., Скаковская Л. Н. 2022

спрашивания» о том, что́ есть то или иное в плане выражения и в семантике того или иного лингвистического термина, дает возможность усмотрения сущности лежащего за термином явления («...увидеть то, что себя кажет, из него самого так, как оно себя от самого себя кажет» [Там же, с. 34]).

В проекции на конкретику методов, фундамент филологической герменевтики –разные приемы лексико-семантического, компонентного, этимологического и морфемно-словообразовательного анализа в его различных аспектах [2], лексико-синтаксического «раскладывания» составной номинации на элементы (как, например, в случае термина *функциональная грамотность* [4]) и др., с дальнейшей интерпретацией филологически «увиденного» на основе сопоставления с данными специальной литературы, опыта лингвометодического взаимодействия со студентами.

Что такое *понятие, термин* и *понятийно-терминологический аппарат*?

Если основа основ любой науки – ее понятийно-терминологический аппарат, то задача добросовестно овладевающего наукой, перед которой он осознанно или неосознанно оказывается, – спрашивание и всматривание в смысл терминов *понятие* и *термин*, далее вникновение в смысл сложного прилагательного *понятийно-терминологический* в составе словосочетания *понятийно-терминологический аппарат*.

В прямой возможной формулировке: почему бы не сказать «просто» *понятийный* или «просто» *терминологический*? Зачем соединение – через подразумеваемый в дефисе соединительный союз «и» – с одной стороны, понятия о *понятийном*, с другой стороны – понятия о *терминологическом*?

Общий ответ: потому что термин лингвистически опредмечивает понятие и без термина понятие не может быть предметом осмысления и использования, но значение термина не есть само понятие.

Понятен ли этот общий ответ студенту? Просматриваются ли им – пусть даже где-то «за горизонтом» сегодняшних его учебных усилий – практически важные следствия понимания этого общего ответа? Маловероятно.

Преподавательский опыт свидетельствует: фантастически сложная задача – чтобы студенты «хотя бы чуть-чуть» поняли, что понятие – это одно (внутренний феномен сознания-мышления, глазу не видимый), а термин – другое. Термин, в отличие от понятия, – это зримое слово, которое лишь именуется, опредмечивает средствами языка то (понятие), что вне вещного словесного опредмечивания незримо, восприятию и осознанию не поддается.

По академическому философскому разъяснению, *понятие* – это особая *мысль*, которая выделяет в мире нечто отдельное, соотносит с аналогичными «отдельными», затем обобщает и абстрагирует. «Понятия представляют собой идеальные сущности, продукты интеллектуальной деятельности человека...» [7, с. 719]. Поскольку «идеальные», постольку нематериальные, вещественности лишены, склонные, как облака в относительно ясном небе, то приобретать четкие очертания, то сливаться между собой, то растворяться в голубизне, то терять себя в сплошной пасмурной хмари. Чтобы удержать отдельность понятия, нужен *термин* – по самому простому определению, «слово или словосочетание специального <...> языка, создаваемого <...> для точного выражения специальных понятий...» [1, с. 474]. Термин придает понятию знаковую вещественность, ясные очертания как в плане выражения (строго определенный экспонент – кодифицированная последовательность звуков, букв), так и в плане содержания, тем самым позволяет увидеть *границы понятия*, по латинскому этимону: из *terminus* ‘пограничный камень, межевой знак; окончание, конец’ – и далее *terminare* ‘размежевывать, отмежевывать, отделять; отграничивать, отделять границей; ограничивать, замыкать’ (здесь и далее латинские этимологии по материалам: [5]).

Существительное *аппарат* в словосочетании *понятийно-терминологический аппарат* отсылает к представлению о некоем наборе инструментов, приспособлений для выполнения полезной (умственной) работы, – из лат. *apparatus* ‘материальное имущество, снаряжение, оборудование’ < *apparare* ‘делать приготовления’ < *ap...* / *ad...* ‘к, на, до’ + *parare* ‘подготавливать, устраивать, организовывать; набирать, собирать’. У существительного *инструмент* («орудие для работы») – тоже «говорящая этимология»: лат. *instrumentum* – от *instruere* ‘вставлять, вводить; воздвигать, возводить; оборудовать, отделять’ < *in-* ‘в-, на-, воз-, при-’ + *struere* ‘класть друг на друга, накладывать рядами (слоями); раскладывать, расставлять; строить, выстраивать’. Как хирургу или художнику нужны специальные инструменты (скальпель, зажим...; кисть, мастихин...), так и филологу – инструменты-понятия (лексема, морфема...).

Лексикология или «словознание»? «Слово» и лексема

Почему бы вместо сложения из заимствованных элементов *лексикология* не использовать сложение из исконно русских – например, «словознание»?

Не получится, потому что *-логия* – это о науке, научном знании, а *знание* – совсем не обязательно о науке. Отсюда: важно различать собственно *научное* (теоретически и практически строго выверенное) и *обыденное* знание, основывающееся на повседневном опыте и «здравом

смысле», а следовательно, включающее огромное количество индивидуального и субъективно-предвзятого. Поэтому *-логия*.

Существительное *слово* – это общеупотребительная лексема с множеством значений. Как у всех общеупотребительных, асимметричный дуализм позволяет экономить языковые средства, помещать в одну экспонентную упаковку, в одну и ту же последовательность букв – не одно, а несколько или даже труднообозримо много разных значений, еще больше – контекстуальных смыслов.

Научная речь стремится к однозначной соотнесенности плана выражения и плана содержания, в идеале: одна вокабула (заголовочная единица словаря) – одно-единственное строго определенное значение. Отсюда: если нужно говорить о словах естественного языка как объектах лингвистического / филологического изучения – пользуйтесь древнегреческим материалом: др.-гр. *lexikos* ‘словесный’ – от *lexis* ‘речь; способ выражения, слог; оборот, выражение, слово’ < *legō* ‘говорить; рассказывать, излагать, называть’.

Поскольку самое простое определение лексикологии – «наука о словах» (именно от такого определения и приходится отталкиваться в лингводидактической практике), то приходится задумываться, как быть с существительным *слово*, если использовать его как именование научного понятия.

Руководство Н. М. Шанского по лексикологии, хорошо известное любому русисту, особенно представителям старшего поколения (издания 1964, 1972 года и последующих лет), включает параграф с названием, которое при вдумчивом прочтении оказывается глубоко проблематизирующим: «Слово как основная единица русского языка» [12, с. 19]. С одной стороны, слово – действительно основная единица языка. С другой стороны: что имеется в виду? Слово в языке (= в словаре?) или в живом употреблении, в составе конкретного предложения-высказывания?

Слово в языке – это скорее *лексема*, чем «просто» слово, в словаре – скорее *вокабула*, а в составе предложения – *словоформа* или *синтаксема*. Одно и то же слово – *слово* может именовать разные понятия, а значит, лучше для этих понятий пользоваться разными словами, которые будут не «просто» слова, а – термины.

Тем не менее без использования существительного *слово* именно как термина обойтись едва ли возможно. Как термин, *слово* оказывается именованием одного из «первичных понятий» филологической науки, которое используется и которое необходимо, но дать ему удовлетворительное строгое определение практически невозможно, – подобно тому как едва ли возможно дать удовлетворительное строгое определение понятий «материя» в физике, «жизнь» в биологии, «сознание» в философии и т. д. Толковые и специальные словари трактуют терминологическую лексему

слово показательно различным образом, акцентируя внимание на разных сторонах данного первичного понятия. Ограничимся одной цитатой – «от Ожегова», в очередной раз восхищаясь тем, как потрясающе Сергей Иванович Ожегов умел предельно компактно указать на семантическое ядро невероятно сложной лексемы: «Слово... Единица языка, служащая для наименования понятий, предметов, лиц, действий, состояний, признаков, связей, отношений, оценок» [9, с. 730].

Лексикографически строгим это толкование, разумеется, признать трудно, поскольку, при предельной неопределенности базового словарного идентификатора «(служит) для номинации» (по семантическому параметру «функция»), который, кроме *слова*, подходит и для словосочетания, для предложения / высказывания, для многих морфем и даже для знаков препинания, в конкретизирующей части оно строится как исчисление потенциально номинируемого, и список номинируемого является открытым. Тем не менее толкование Ожегова позволяет составить относительно ясное представление о том, что такое слово – разумеется, при условии, что студент, читатель / слушатель сталкивался в своей языковой / речевой практике с задачей писать нечто именно «по словам».

Замечательная (и, насколько известно авторам данной работы, по сей день никем не превзойденная) попытка построить относительно исчерпывающий список свойств слова как основной единицы языка предпринял в свое время уже упоминавшийся выше Н. М. Шанский. Двенадцать «основных признаков слова» – уникальный перечень, из которого по сей день для определения понятия «слово» и даже для инициации новых научных направлений в лингвистике выделяются отдельные компоненты или наборы компонентов в разных сочетаниях в качестве достаточных: «...1) фонетическая оформленность, 2) семантическая валентность, 3) непроницаемость, 4) недвуударность, 5) лексико-грамматическая отнесенность...» [12, с. 21]. Обсуждение данного списка – как в силу его хрестоматийности, так и в силу обреченности такой попытки на заведомое недостижение удовлетворительного результата – мы оставляем за пределами нашего внимания.

Понятие и термин *лексема*, как «дальнейший» по отношению к понятию и термину *слово*, фундируется понятием «слово», конкретизирует его по параметрам «область языкознания» и «специфика составных компонентов»: *лексема* в лексикологии – слово (можно понимать *слово* «по Ожегову», «по Шанскому» или иным удобным для понимающего способом) в единстве всех его лексических значений, *лексема* в морфологии – слово в единстве всех его возможных словоформ (форм словоизменения = парадигма словоизменения / формообразования), *лексема* в лексикографии – слово как объект словарного описания.

Варианты итоговых формулировок. Ядро понятия «лексикология» – *учение о словах*, в двух каузальных прочтениях в рамках системы «язык – речь»: 1) в прямом этимологическом прочтении *legō > lexis*; речь > слово (представление о рождении слова в речи); 2) в обратном этимологическом прочтении, где, напротив, слово рождает / каузирует / фундирует речь: слово > речь). Иначе: лексикология – учение о словах как носителях (языковых = лексических) значений и (речевых = индивидуальных / контекстуальных) смыслов.

Потенциализм **словознание*, в отличие от *лексикологии* как именования сугубо «объективной» науки, избегающей субъективности, – напротив, акцентирует минимум два представления о субъектности / субъективности этой области лингвистики, а именно: об интенциональной направленности (1) субъекта (языкового) знания и (2) субъекта (речевой) деятельности, – эти типы субъектности / субъективности «словознания» могут стать предметом усмотрения в формулировке «*знать + слова = знать (языковые) значения слов + уметь схватывать (речевые) смыслы слов*».

Способствуют ли такие лингводидактические «учебно-герменевтические» прочтения пониманию существа дела? – Да, способствуют. Гарантируют ли они, что студенты поймут существо дела? – Нет, не гарантируют.

«Эмическое», «этическое» и философия как теория познания

Термины *эмический* и *этический* применительно к характеристике особенностей терминосистемы лингвистики используются нечасто, хотя их лингводидактическая эвристическая ценность, потенциал быстрого усмотрения и понимающего «схватывания» существа единиц языка и единиц речи в их взаимосвязи несомненны. Непревзойденная (как минимум, учебная) ценность «Словаря лингвистических терминов» О.С. Ахмановой (1908–1991; первое издание словаря – 1966) усматривается в опыте не просто полного, но именно системного представления русской лингвистической терминологии.

Необходимый органичный элемент этого словаря (одновременно один из краеугольных камней последовательного осмысления терминосистемы нашей науки) – стремление Ольги Сергеевны Ахмановой дать связные определения «эмического» и «этического» и даже вынесение в отдельную словарную статью суффиксального элемента *-эм(а)*, который (заметим) в академической «Русской грамматике» [10] не представлен: «**Эма**... Суффикс, выделяющий из состава таких терминов, как фонема, морфема, семема, семантема и т. п. со значением “структурный элемент, тип, структурная единица языка”; противопоставляется алло- как данной реализации соответствующих единиц в речи» [1, с. 525].

Любая терминосистема слабо поддается сознательно упорядочивающему влиянию специалистов, – как и язык в целом, терминосистема развивается, так сказать, в самодовлеющем режиме. Стремления «усистемить» лингвистическую терминологию естественны, фундируются в том числе и хорошо знакомыми любому преподавателю студенческими сетованиями на «непонятность».

Как примеру, колоссальные затруднения у многих студентов вызывает необходимость осмысления: почему *фонетика* – о звуках, а *фонология* – о «каких-то» фонемах, если («Как вы сами, преподаватель, учили!») *фон...* – из др.-гр. *ῥῆσις* ‘голос, звук’, а значит, *фонология* – «должна быть» о звуках, а если о фонемах, то «должна быть», например, «фонемология», *фонемика*, *фонематика*! И далее терминологическое пожелание: мол, «оставили бы» термины *фонетика* и *фонемика* – и хватит, с «этическим» и «эмическим» суффиксами – акцентуаторами отнесенности *фонетики* к (звучащей) речи, а *фонематики* к языку...

Как лингводидактически реагировать на эти сетования? Один из вариантов – обратить внимание, что терминологическая синонимия возникает в том числе и по причине трудностей в понимании какого-либо явления. Отсюда стремление назвать по-разному одно и то же – в бессознательной надежде, что не одно, так другое именование окажется когнитивно действенным. Вот и синонимический ряд для именованного учения о фонематическом строе языка: *фонология*, *фонемика*, *фонематика*, – при одном-единственном термине *фонетика* для именованного звукового строя речи. И наоборот: для именованной фонемы достаточно одного термина – *фонема*, а для именованного звука в его отличии от фонемы – опять-таки ряд терминосинонимов: 1) пребывающие в давнем статусе терминологических потенциализмов **фон* / **фона* (отдельный звук речи), 2) «просто» русское *звук* (речи), 3) ориентированный на осмысление взаимосвязи «фонетика – фонология» термин *аллофон*, с префиксоидом *алло-*, акцентуирующим представление о разнообразии реализаций фонемы (< др.-гр. *allos* ‘другой, иной’).

Разграничение «эмического» (языковая система) и «этического» (феномены речи, понимаемой как «реализация» возможностей системы), пожалуй, можно считать лингводидактически ясным применительно к фонетике / фонологии, поскольку план содержания фонетических / фонематических единиц потенциален, а не актуален. У звука или фонемы нет самостоятельного сигнификата, нет самостоятельной способности к номинации (денотативно-референциальной отнесенности), что и фиксируется в толковании О.С. Ахмановой: «**Этический**... “Не эмический”, не обладающий семиологической релевантностью, относящийся к физическим свойствам языковой материи; *противоп.* эмический» [Там же, с. 529]. Однако «не эмическими», в соответствии с данным толкованием,

оказываются только звуки речи – объект фонетики, действительно строго «этической» дисциплины. На других уровнях системы языка «эмические» единицы есть, – а где «этические»?

Морф и морфема равно обладают «семиологической релевантностью», то есть являются носителями некоей (морфо)семантики (хотя есть и асемантические морфы, вроде интерфикса / межморфемной прокладки *-j-* в прилагательном *шоссе-*j*-н-ый*, но это – в категорию «нет правил без исключений»). Морфы, как и звуки, можно интерпретировать как «реализации» единиц вышележащего «эмического» уровня: морф – реализация морфемы, так же как звук (речи) – реализация фонемы. Однако морфы и морфемы – семантически нагруженные языковые единицы, – в отличие от звуков / «фонон» и фонем!

Как объяснять / отвечать студентам на вопрос: если суффикс *-ем(а)* равно наличествует в терминах *фонема* и *морфема*, то, вероятно, при всем различии фонем и морфем, их что-то роднит? Что именно их роднит? Очевидный ответ: фонема и морфема – абстрактно-обобщенные феномены (то есть появляющиеся в результате операции обобщения-абстрагирования), относящиеся к уровню языковой системы. Чтобы этот очевидный для преподавателя, но едва ли достаточно очевидный для студентов ответ (что такое «обобщение-абстрагирование»?) стал очевиднее, нужно пользоваться какими-то дополнительными моделями объяснения.

Полезная пара философских категорий – *сущность и явление*. Категории из теории познания (эпистемологические), позволяют студентам-филологам, склонным к междисциплинарным инклюзиям – к приобретению «смешанного» интеллектуального опыта, – приблизиться к осознанию, как от речевых *явлений* познающее сознание / мышление филолога подбирается к *сущности* языка, а потом в обратную сторону – от сущности языковых единиц к речевым фактам.

Воспроизведем академическое философское определение: «Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в устойчивом единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия; явление – то или иное обнаружение предмета, внешние формы его существования. В мышлении эти категории выражают переход от многообразия изменчивых форм предмета к его внутреннему содержанию и единству – к понятию» [6, с. 682]. Возможный краткий комментарий (варианты использования этого философского определения в лингводидактических целях): 1) «внутреннее содержание» звука – в его способности различать смыслы языковых единиц, в функция смыслоразличения – это фонемы; 2) «внутреннее содержание» морфа как значимой части отдельного слова – значение, семантическое единство морфов, при «различии форм» морфов с одинаковым значением и сходным звуковым / фонемным составом – это морфема. Как говорится, «как-то так...».

Сема, семема / семантема и граммема

Причудливо-сложна терминосистема лингвистики, как прихотливо-сложно человеческое сознание и естественный язык, обеспечивающий возможность существования / функционирования сознания.

Термины *лексема* – *семема* / *семантема* – *сема* фиксируют феномены, различающиеся не по параметру «явление – сущность», который, как мы показали выше, можно использовать в качестве методологической базы для объяснения / понимания существа различий между звуком и фонемой, морфом и морфемой, а совсем по другому параметру, а именно: «часть – целое». Ни в коем случае не «вид – род», что лингвометодически особо нужно подчеркивать, заодно (для наглядности и ясности) объясняя, что такое гипо-гиперонимические / гиперо-гипонимические отношения и какую роль они играют в систематиках самых разных наук.

Как это выглядит в предельном обобщении: весь набор значений многозначного слова (*лексема*) → одно значение (*семема* / *семантема* = *лексико-семантический вариант*, *ЛСВ*) → отдельные (семантические) компоненты, из которых складываются целостные значения (*сема*, *семантический множитель*).

Казалось бы: что сложного в освоении этой терминологии? Откройте толковый словарь, найдите любую словарную статью многозначного слова – и смысл каждого из трех приведенных терминов, включая их синонимы и варианты, вроде бы должен стать наглядно-очевидным: отдельные значения (= ЛСВ, семемы / семантемы) даже пронумерованы, а семемами (именованиями сем, семантических множителей) условно можно считать отдельные слова (кроме служебных), используемые в толкованиях (= семантизациях, дефинициях).

Поскольку любой преподаватель знает, что чаемая «очевидность» на практике достигается далеко не всегда, необходимо размышление о причинах «неочевидности (как бы) очевидного».

Обратим внимание на следующее. *Сема* – термин для студентов «вторичный», знакомству с ним предшествует *семантика*, а возможно, и *семиотика*, и некий «семантический треугольник» как графическое отображение *семантической структуры слова* с разными вариантами именования углов этого «треугольника». Соотношение термина *сема* с терминами типа *денотат* / *референт*, *сигнификат*, *коннотации*, как правило, специально не рассматривается, и специфический для этой терминологической зоны предикат *обозначает* в формулировках типа «Слово *обозначает* – что?» никак не может оказаться в одной синтагматической связке с *семой* или *семантемой*, ср. невозможность **X* (любое слово) *обозначает сему / семантему*...

Припомним: терминология – это не только термины, но и устойчивые формулы описания. Отсюда: какими типизированными речениями

(словосочетаниями, предложениями) можно пользоваться, говоря о семах / семантемах? Например: *Значение слова (такого-то) раскладывается на... / включает (следующие) семемы / семантемы, далее первая (значение?) семема (такая-то) раскладывается на... / включает (следующие) семы...* Данной формулировкой – как операциональным руководством к деятельному последовательному размышлению – часть студентов овладевает мгновенно, другая (большая?) «зависает»...

Ядро понятийно-терминологических затруднений, на наш взгляд, можно усмотреть в следующем.

Установка на прочтение ключевых терминов через обращение к этимонам ведет к др.-гр. *sēta* ‘знак; признак; сигнал’ (ср.: *полисемия, семантика, семасиология, семафор, семема, энантиосемия*). Как видим, русская лексема, соотносительная с этимоном *семы*, – *знак*, что ведет к морфематически смежным *знать, значение* и т. д.

Знак – единица двусторонняя, «материально-идеальное образование» [13, с. 167]: феномен вещный, но нагруженный внеположной знаковой вещности знанием; иначе: вещьность знака несет (*знать >*) *зн-а-ниѳ-е* о чем-то, *значит* что-то. Двусторонность знака «снимается», «устраняется» в его (*значить >*) *значении*, которое нематериально и не является производным от вещьности знака. Что значит *значить*? *Значить* = ‘быть знаком’, ‘нести значение’. Значение – вне-знаково, «отчуждено» от знака, – видимо, в этом исходное (лингво)когнитивное затруднение.

Семантика – метонимичный термин: 1) «Значение, смысл...»; 2) «= Семасиология»; «Раздел языкознания, изучающий значения языковых единиц...» [8, с. 1174]. Метонимия регулярная, как в аналогичных *лексика, морфемика, морфология, синтаксис* и т. д. Заметим: прихотливость терминосистемы здесь особенно наглядна в том, что семантическое место «учение о морфемах» не соотносится с термином *морфология*, который при актуализации его внутренней этимологической формы приходится интерпретировать не через др.-гр. *morphē* ‘вид, наружность; форма’, но через его латинский синоним *forma* ‘вид; наружность, внешность’, то есть *морфология* в актуализованной внутренней форме – «учение о *формах* (словоизменения)», и не следует путать с *морфемикой*.

Сема. Лингводидактически бесполезно прочтение термина *сема* через включение его в тесный контекст, через актуализацию метонимии термина *семантика*, например, так: *семантика*₂ – учение о *семах* как таких элементарных смысловых компонентах, из которых складываются целостные *значения* (языковых) *знаков*, их *семантика*₁.

В заключение – о термине *граммема*. Никак не приживается этот термин в преподавательской и даже исследовательской практике, – не-

смотря на компактность и вроде бы очевидное удобство использования: ср.: *грамматическое значение* = *граммема*. Лингвокогнитивную причину «неприживаемости» можно усмотреть в том, что *граммема* – это отдельная *грамматическая сема*, то есть *часть* – *целого* значения грамматической категории, ср.: *число* (*категория числа*) существительных (значение грамматической категории) – *единственное число* (граммема, элементарный грамматический смысл / сема). Именованная часть (*единственное число*) – «длиннее», чем именование целого (*число*). С логической точки зрения, это естественно, поскольку объем и содержание понятия находятся в обратно пропорциональной зависимости (чем шире содержание, тем уже объем), но обыденное представление об «элементарности» как «краткости» оказывается в противоречии с относительной пространственностью двусловного термина.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. Волков В. В. Аспекты изучения русского словообразования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 1. С. 84–88.
3. Волков В. В. «Введение в языкознание». К герменевтике названия учебного курса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 3(70). С. 95–103. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.095
4. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладиллина И. В. Функциональная грамотность и лингводидактика: к герменевтике термина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1(72). С. 67–77. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.067.
5. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Москва : Русский язык, 1976. 1096 с.
6. Длугач Т. Б. Сущность и явление // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. Москва : Мысль, 2010. С. 682–683.
7. Маркин В. И. Понятие // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва : Канон+; Реабилитация, 2009. С. 719–720.
8. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2008. 1536 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : Азбуковник, 1998. 942 с.
10. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. Москва : Наука, 1980. 783 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. Москва : Академический проект, 2015. 460 с.
12. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Москва : Либроком, 2009. 312 с.
13. Языкознание : Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва : Большая Рос. энциклопедия, 1998. 685 с.

PHONEME, LEXEME, AND OTHERS. TO THE DIDACTICAL HERMENEUTICS OF THE LINGUISTIC TERMS

V. V. Volkov, I. V. Gladilina, L. N. Skakovskaya

Tver State University, Tver

The article represents the results of modeling the semantic processes taking place during hermeneutic comprehension of key linguistic terms in academic work with students of philology. The subject of educational linguodidactic analysis is the key terms of lexical semantics, phonetics and morphemics. The authors focus on the ways of explaining and understanding the problems of educational terminology science related to the asymmetry of the plane of content and the plane of expression of such linguistic units as “seme”, “semantics”, etc., offer ways of educational interpretation of key terms of linguistics based on the actualization of their inner form.

Keywords: *didactical terminology science, semantics, inner form of a word, cognitive linguistics, philological hermeneutics.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

СКАКОВСКАЯ Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: education@tversu.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

SKAKOVSKAYA Lyudmila Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of International Relations, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: education@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.08.2022 г.

Дата подписания в печать: 02.09.2022 г.